

ПЛАТОНОВ И КРЖИЖАНОВСКИЙ (К ВОПРОСУ О МОСКОВСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ОКРУЖЕНИИ ПЛАТОНОВА)

В статье установлены переключки в творчестве А. Платонова и С. Кржижановского. Обнаружено, что Платонов и Кржижановский одновременно сотрудничали в журнале «Литературный критик». Доказано, что представление о дискретности зрительного восприятия, выраженное в повести Кржижановского «Собиратель щелей», повлияло на концепцию рассказа Платонова «В прекрасном и яростном мире».

Ключевые слова: «вычеркнутая» русская проза 1930-х годов; воображаемый свет; погасшее солнце; Апокалипсис.

В книге «Поэтика заглавий» Кржижановский писал о том, что со временем книга «отжимается» и от неё остаётся, в лучшем случае, одно название. Время оказалось беспощадным судьей русской литературы советской эпохи. Из огромного списка официальных членов советского Союза писателей 1930-х годов сегодня сохранился десяток имен, а в их числе те, кого удачливые писатели-современники пытались вычеркнуть из литературы, — Платонов и Кржижановский. В тридцатые годы XX века они многим казались неудачниками, их произведения редко и с трудом проходили в печать. Никто не заметил, что в середине 1930-х годов Платонов и Кржижановский оказались в одно в время в одном месте.

В записной книжке Г. Шенгели траурной рамкой обведены строки: «Сегодня, 28 декабря 1950 года, умер Сигизмунд Доминикович Кржижановский, писатель-фантаст, “прозванный гений”, равный по дарованию Эдгару По и Александру Грину. Ни одна его строка не была напечатана при жизни» [10: с. 5]. Ю. Нагибин 7 января 1951 года записал в своем дневнике: «Сегодня хоронили Андрея Платонова. По дороге на кладбище, возле клуба, я прихватил Атарова...

Я имел бестактность сказать:

— Третья смерть на одной неделе.

— Почему третья? — спросил он резко.

— Митрофанов, Платонов, Крыжановский (Так у Нагибина. — *Н.М.*)

Он впервые слышал о смерти Крыжановского. Он жалел о том, что сел со мной в машину» [12: с. 54]. Эта запись в дневнике Нагибина — едва ли не единственная, где имена Платонова и Кржижановского стоят рядом.

Документальные подтверждения знакомства и характера отношений Андрея Платонова и Сигизмунда Кржижановского нам неизвестны. Однако есть веские основания утверждать, что они встречались и были знакомы. Их пути пересеклись в одно время и в одном месте литературной Москвы. С середины 1930-х годов общим местом спасения Кржижановского и Платонова от полного исключения из литературной жизни стала редакция журнала «Литературный критик», где печатались их критические статьи. Кржижановский явно был своим человеком в этой редакции. С 1934 года на страницах журнала появляются небольшие, набранные мелким шрифтом литературные пародии и фельетоны Кржижановского. В Доме Герцена, где располагалась редакция журнала, жил во флигеле Платонов. Кржижановский регулярно бывал в журнале, где мог встречаться с Платоновым. Рядом с Домом Герцена «Кржижановский предлагал открыть частную лавочку, торгующую темами, заглавиями, концовками и прочим дефицитным писательским товаром» [16: с. 12].

Очевидно, Кржижановский присутствовал в литературном окружении Платонова, до сих пор никем там не замеченный. Есть основания предполагать, что у их знакомства была долгая предыстория. В 1926 году Кржижановский был одним из сотрудников газеты «Гудок», редакция которой находилась во Дворце Труда, на улице Солянка, 12, в комнате 244. Там же, во Дворце Труда, располагался ЦК Всероссийского профессионального союза работников земли и леса (Всеработземлеса), где Платонов работал с июня по август 1926 года. Трудно представить, что, оказавшись там, Платонов не зашёл в редакцию газеты железнодорожников.

Общим у Кржижановского и Платонова был особый интерес к творчеству Чехова. Кржижановский написал статью о Чехове, которая впервые публиковалась в десятом номере журнала «Литературная учёба» в 1940 году [8: с. 575–604]. У Платонова есть признания о любви к Чехову.

Были у Кржижановского и Платонова общие знакомые. В начале 1930-х годов не только творческие судьбы Платонова и Кржижановского, но и сама их жизнь зависела от Горького. В 1931 году, сразу после скандала с повестью «Впрок», Сталин поручил Горькому перевоспитание Платонова. Горький был строгим цензором многих платоновских произведений. Платонов написал Горькому несколько писем с просьбой помочь напечатать роман «Чевенгур», рассказ «Мусорный ветер» (1933), статью «О первой социалистической трагедии», повесть «Джан» (1936). В 1933 году Платонов откликнулся на предложение Горького, адресованное писателям, обратить внимание на «богатейший материал» — «тысячи разнообразных людей», работающих на лагерных стройках: «Вот сейчас под Москвой строятся ба-

раки для тысяч рабочих по каналу Волга – Москва. Эти тысячи разнообразных людей — прекрасный материал для изучения» [6].

Тринадцатого июля 1933 года Платонов написал Горькому о своей готовности участвовать в этой работе: «... Должен Вам сообщить, что недели две назад я писал об этом т. Авербаху. Написал в том смысле, чтобы мне была дана возможность изучить Беломорстрой или Москва – Волгу и написать об этом книгу. Я бы, конечно, возможности этой не просил (кому она у нас запрещена?), я сам бы “взял” её, если хотя бы некоторые мои рукописи печатались и я имел бы средства к существованию. Интерес к таким событиям у меня родился не “две недели назад”, а гораздо раньше. Больше того — несколько лет тому назад я сам был зачинателем и исполнителем подобных дел (подобных — по масштабу и не в педагогическом отношении, конечно)» [16: с. 182].

Однако его письмо осталось без ответа, и просьба не была удовлетворена.

Ему не дали увидеть собственными глазами, в какой чудовищной форме и в каких масштабах осуществлялась его мечта о «героической эпохе мелиорации» и строительстве судоходных каналов. Вместо увлечённых мастеров, готовых к жертвенному служению своему делу, заключённые, уголовники, которых пригнали для принудительной работы. Платонов не увидел того, что запомнили писатели, командированные на канал: «Десятки барачков, до отказа набитые людьми» [1: с. 62]. Не видя лагерной стройки, Платонов с поразительной достоверностью описал превращение человека в жалкое животное в условиях фашистского концлагеря в рассказе «Мусорный ветер». Вопрос о судьбе рассказа «Мусорный ветер» решался в январе – феврале 1934 года. Платонов надеялся, что рассказ примут к печати в альманахе «Год ...надцатый». Судя по настрою писателя в начале января, Платонов надеялся, что «Мусорный ветер» будет напечатан. Получив из редакции альманаха отказ в публикации рассказа, Платонов 19 февраля 1934 года обратился к Горькому с просьбой о поддержке.

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

При этом посылаю Вам свой рассказ “Мусорный ветер” и прошу Вас прочитать его. В случае, если Вы найдёте рассказ подходящим для напечатания, то прошу поместить его в альманахе “Год Семнадцатый”. Обращение моё непосредственно к Вам вызвано моим тяжёлым положением и сознанием того, что Вы поймёте всё правильно. Обычно я избегаю быть назойливым. Если рассказ плох, то прошу вернуть его мне, и он будет брошен. Искренне уважающий Вас

Андрей Платонов

19.02.34.» [16: с. 182].

Строки из письма Горькому: «Обращение мое непосредственно к Вам вызвано моим тяжёлым положением», — говорят о том, что для Платонова было крайне важно преодолеть запрет на публикацию его произведений, длившийся с 1931 года. Рассказ поступил на отзыв Горького 16 марта 1934 года. Вскоре Горький ответил Платонову: «Рассказ ваш я прочитал, и — он ошеломил меня. Пишете вы крепко и ярко, но этим ещё более подчёркивается и обнажается ирреальность содержания рассказа, а содержание граничит с мрачным бредом. Я думаю, что этот ваш рассказ едва ли может быть напечатан где-либо.

Сожалею, что не могу сказать ничего иного, и продолжаю ждать от вас произведения, более достойного вашего таланта. Привет. А. Пешков» [11: с. 315].

Острые споры вызвала статья Платонова «О первой социалистической трагедии», которую он передал в редколлегию пятитомника «Люди пятилетки». Статья предназначалась в сопутствующий этому изданию сборник «Записные книжки» писателей, где предполагалось раскрыть творческую лабораторию авторов коллективной книги. Горький, находившийся тогда в Горках, прочитал статью Платонова в первые дни 1935 года. Ответственный секретарь коллективной книги Г.М. Корабельников предостерегал Горького: «Мне кажется, то, что написал Платонов, будучи искреннее, прямолинейнее и глубже <...>, еще более политически чуждо, философски враждебно и меланхолично.

Проблемы, поставленные в статье, правда, не новы, но то, что они упорно воспроизводятся писателями вроде Платонова, говорит об их живучести в сознании литераторов, и коллектив “Люди пятилетки” не может и не должен без боя их обойти» [19: с. 14].

Горький выделил фразу в статье Платонова: «В формуле об инженерах душ скрыта тема первой чисто социалистической драмы. Через несколько лет эта проблема станет важнее металлургий; вся наука, техника и металлургия — всё оружие власти над природой — будут ни к чему, если они достанутся в наследство недостойному существу. Больше того, несовершенный человек создаст тогда об истории такую трагедию без конца и без развязки, что его собственное сердце устанет...», — и поставил на полях знак вопроса. В начале 1935 года, 13 января, Горький сообщил Корабельникову о своём решении отказаться от публикации пессимистической статьи Платонова.

Параллельно с прохождением статьи через цензуру Горького, за его спиной оргсекретарь Союза писателей А. Щербаков 14 января 1935 года направил платоновскую статью Сталину и Л. Кагановичу. Исследова-

тель писал: «...можно и предположить, что его оценка (или осторожность А. Щербакова, не дождавшегося сталинского отзыва), оказалась решающей в судьбе статьи» [5: с. 817].

Однако Платонов не прекратил попыток добиться издания своих произведений. В октябре 1935 года осведомитель НКВД сообщал, что журнал «Наши достижения», редактором которого был Горький, заказал Платонову «очерк для специального номера, посвящённого совершеннолетию ровесников Октября — молодёжи, которой минет в этом году восемнадцать».

А. Платонов сдал рукопись, называющуюся “Стройматериалы и оборудование”. Эта вещь представляет собой злой пасквиль на советскую действительность.

Рассказывается в рукописи об одной молодой коммунистке, ездившей в краевой центр, добывать гвозди для своего совхоза [2: с. 858–859].

Речь идёт о возможной публикации в журнале одной из глав повести Платонова «Ювенильное море».

Повесть «Джан» (1936), о которой Платонов писал Горькому, тоже не получила поддержки, необходимой для её публикации. В начале 1936 года Платонов хлопочет о её судьбе. Он надеется на помощь Горького. Платонов узнаёт, что Всеволод Иванов едет в Крым на встречу с Горьким. Запись о событиях этих дней сохранилась в разрозненных листках, вырезанных из дневника А.И. Вьюркова. Пятого января 1936 года Вьюрков записал: «Заходил сегодня Всеволод Иванов. Внёс за 9 месяцев профвзносы 270 рублей. Из расчёта ежемесячного заработка в 63 000 рублей. <...> сказав, что 28 едет в Крым к М. Горькому, простился».

Что-то он мне “не показался”. Нет того форса и самовлюблённости, которые так шли к нему. <...> великое дело “беспристрастная” критика» [7].

Слухи об отъезде Всеволода Иванова быстро распространились по литературной Москве. Двадцать второго января 1936 года Платонов пишет Всеволоду Иванову с мольбой о помощи:

«Уважаемый Всеволод Вячеславович!

Я к Вам обращаюсь с одной просьбой. Если она трудно выполнима, то оставьте её без последствий».

От В. Шкловского я случайно узнал, что Вы едете к А.М. Горькому. И у А.М. Горького можно решить небольшую просьбу».

По договору с редакцией “Две пятилетки” я написал повесть под названием “Джан” (душа). Договор был на 3 листа, в повести 8. Повесть эта, если она подойдет, будет напечатана в специальных книгах, выпускаемых к 20-летию Октябрьской революции, то есть в 1937 году».

У меня есть надежда, что если бы эта повесть была опубликована, она сняла с меня *тяжесть, которую я ношу за многие свои ошибки*. Но опубликование её категорически запрещено впредь до издания книги “Люди пятилетки”, то есть до 1937 года.

По-моему, если эта вещь удовлетворительная, то нужно её напечатать теперь же, хотя бы в альманахе “Год Девятнадцатый”. А я даю гарантию, что через два-три месяца напишу для редакции “Люди пятилетки” другую вещь. Я обещаю, что для редакции “Люди пятилетки” дам другую рукопись, и нисколько не повлияю на задержку в выпуске книги, куда моя рукопись предназначена.

Дело это простое и ясное. Я пробовал всячески уяснить его другим людям, ничего не вышло, и теперь у меня остались последняя инстанция — А.М. Горький.

Я прошу Вас, Всеволод Вячеславович, передать эту информацию А.М. Горькому. От него потребуется всего две-три секунды размышления, потому что дело пустяковое. А для меня это очень важное дело: мне будет сильно облегчена жизнь и главное — дальнейшая работа.

Если Вы согласны и есть надежда на успех, то поговорите с Алексеем Максимовичем. Извините, что затрудняю Вас, другого пути не мог придумать.

С товарищеским приветом — Андрей Платонов» [17].

На помощь Горького надеялся и Кржижановский. В 1932 году Евгений Ланн, который тоже сотрудничал в «Литературном критике», через Георгия Шторма передал Горькому несколько вещей Кржижановского в надежде, что удастся получить разрешение на их публикацию [15: с. 25]. Е. Ланн писал статьи об английской литературе и ценил Кржижановского не только как писателя, но и как знатока Шекспира, автора признанных на родине великого писателя статей. Горький отнёсся к творчеству Кржижановского резко отрицательно. Очевидно, это объяснялось тем, что Горький не принимал отступлений от реализма, ему не нравилась модернистская манера письма. Это отчасти позволяет понять отношение Горького и к творчеству Платонова.

Среди писателей, выступивших в поддержку Кржижановского при его приеме в Союз писателей в 1939 году, был критик Федор Левин, сотрудник журнала «Литературный критик», знавший Платонова с 1938 года. Его вступительная статья сопровождала первый после смерти Платонова сборник произведений писателя, изданный в 1958 году.

Произведения Кржижановского редко попадали в печать при жизни писателя: было опубликовано шесть новелл и полтора десятка ста-

тей. Но Платонову они были известны. Подтверждение того, что Платонов знал творчество Кржижановского, обнаруживается в его прозе. В рассказе «В прекрасном и яростном мире» Платонов воспроизвёл один из ключевых фрагментов повести Кржижановского «Собиратель щелей», написанной в 1922 году.

Связь рассказа «В прекрасном и яростном мире» с лейтмотивом повести Кржижановского особенно отчётливо проступает в одном из вариантов названия этого рассказа — «Воображаемый свет». Платонова привлекло в повести Кржижановского то, что было близко ему самому. Герой Кржижановского встретил необычного исследователя Левеникса, который проводит опыты «по психофизиологии зрительного процесса», чтобы решить проблему «непрерывности нашего видения»: «Есть, как бы сказать, известная видимость видения: человеку с обнажённым зрачком мнится, что фиксируемая им вещь непрерывно, во все доли доль секунды, — как бы связана с зрачком не рвущимся ни на миг лучом. Однако я усомнился в этом. Искровая вспышка электрической машины длится всего одну пятидесятитысячную секунды. Но удерживается в глазу в течение одной седьмой секунды. Таким образом, семь кратких мельков искр, отделённых друг от друга паузами почти в седьмую долю секунды, будут восприняты глазом как непрерывное, секунду длящегося горение искры. Но ведь подлинное-то её горение, в данном случае, отняло лишь семь пятидесятитысячных секунды. То есть $49\,993 / 50\,000$ длительности опыта — была тьма, воспринятая, как свет <...> можно убрать солнце с орбиты на девяносто девять сотых дня и мы, живущие под этим солнцем, не заметим этого <...> не заметим и, брошенные во тьму, будем радоваться и мнимому солнцу, и мнимому дню» [9: с. 125–126].

Сюжетная ситуация этого отрывка повести «Собиратель щелей» близка Платонову: в его вещах часто изображаются встречи героя с чудачком-исследователем, объясняющим суть сложных явлений и влияющим на его судьбу. В повести поставлена проблема, волновавшая Платонова: что будет с человеком, когда погаснет солнце, т.е. наступит Апокалипсис? В рассказе «В прекрасном и яростном мире» Платонов вновь возвратился к постоянному мотиву своего творчества — мотиву «погасшего солнца», связанному с грозящим человечеству Апокалипсисом. Герой рассказа машинист Мальцев, ослепнув, не видит реального мира, но перед его внутренним взором остаётся иллюзия видимой картины знакомых мест. Воображение человека заменяет ему реальность, которой в действительности больше нет.

В 1941 году писатели и критики обсуждали этот рассказ Платонова. Они не могли принять соотношения философии и реальности в рассказе.

«Мне хочется иногда задать в упор вопрос Андрею Платонову — почему так получается, почему в конце концов все покоится на философской ткани, почему это ощущение реального мяса, если так можно выразиться, того, что порождает саму мысль, — почему это вынимается из рассказа?» — возмущался участник обсуждения [С.Г. Григорьев]. У Кржижановского философские проблемы тоже определяли содержание его творчества, что казалось современникам негодным для советской литературы.

Общим в творческих судьбах Платонова и Кржижановского было не официально санкционированное, а подлинное признание в писательской среде. Знакомство Платонова с неизданными текстами Кржижановского означало, что Платонов присутствовал на чтении произведений Кржижановского. Хорошо известно о том, что такие чтения были формой существования литературы в 1920–1930-е годы. О чтении вещей Кржижановского на «Никитинских субботниках» и в Коктебеле у Волошина писала в воспоминаниях жена писателя Анна Гавриловна Бовшек [Бовшек]. Писал о таких чтениях и сам Кржижановский.

Платонов тоже в конце 1920-х годов читал свои неопубликованные вещи. Пока рукопись повести «Котлован» путешествовала по редакциям журналов, где автор надеялся её напечатать, повесть, по свидетельству современников, там читали, даже устраивались публичные чтения для узкого круга. «...чтение отрывков из повести “К(отлован)” слышал в “Новом мире”. Эта вещь поразила меня своей законченностью», — признался критик В.В. Гольцев на вечере Платонова 1 февраля 1932 года [20: с. 104]. Е. Таругта вспоминала, что Платонов до войны не раз собирал вокруг себя слушателей в редакции журнала «Дружные ребята».

Суждения собратьев по перу о Кржижановском во многом напоминают признание современниками гениальности Платонова. Г. Шенгели назвал Кржижановского «прозёванным гением». На обсуждении его пьесы «Поп и поручик» 10 апреля 1934 года М. Левидов сказал: «Вы все знаете, что среди нас живёт на самом деле большой писатель. Эти слова я имею право сказать, не делая никакой скидки. Именно большой писатель, который должен быть известен не только у нас, но и за границей. И я уверен, что в конце концов он добьётся такой известности... Это писатель, имя которого должно сохраниться в веках. Я считаю его одним из больших писателей не только нашей современности, но и вообще мировой литературы...» (цит. по: [15: с. 14]). Почти дословно через два года это суждение как упрёк авторы редакционной статьи о Платонове в журнале «Литературный критик» адресуют редакторам журналов, которые побоялись напечатать рассказы «Фро» и «Бессмертие» [13: с. 108, 109, 113]. А в 1938 году

Е. Усиевич в статье «Разговор о герое» писала: «Наиболее талантливым среди писателей <...>, ищущих жизненных, конкретных трудных, часто трагических форм развития, является у нас Андрей Платонов» [21: с. 180].

В конце XX века стали известны документы, свидетельствующие о том, что руководители Союза писателей А. Фадеев и В. Кирпотин направили секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, В. Молотову, А. Жданову, А. Андрееву и Г. Маленкову докладную записку против журнала «Литературный критик» «Об антипартийной группировке в советской критике» [4]. Посвящённый судьбе журнала «Литературный критик», этот документ непосредственно касался Платонова — и как автора этого журнала, и как объекта его критики. А. Фадеев и В. Кирпотин напоминали Сталину о Платонове — авторе повести «Впрок», которая в 1931 году привела вождя в бешенство: «Гнилые теоретические позиции группки “Литературного Критика” приводят их естественно к выводу, что политика вредна искусству. <...> Всю советскую литературу “Литературный Критик” считает иллюстративной (т.е. дидактической, второсортной) на том основании, что она пронизана политической тенденцией <...> В современной же советской литературе Е. Усиевич поддерживает явления, выражающие разбитое буржуазное сопротивление социализму. Поэтому для неё Андрей Платонов, автор “Впрока”, является самым талантливым советским писателем <...> “Литературный Критик” сделал Платонова своим знаменем. Его противопоставляют другим писателям <...> Даже рассказы Платонова, забракованные другими журналами, печатались в “Литературном Критике”. Платонов стал публицистом и критиком группки» [4: с. 817, 820–821].

Десятилетия спустя в названиях статей, посвящённых Платонову и Кржижановскому, повторяются определения: «загравленный гений», «прозёванный гений» — свидетельство запоздалого признания полузабытых гениев русской литературы XX века. Андрей Платонов и Сигизмунд Кржижановский многие годы прожили в ситуации отверженности. Они по-разному переживали трагедию замалчивания их творчества. Для осмысленного чтения их произведений от читателя требовалось внутреннее усилие: эту прозу «думаньем не возьмешь: тут надо включить мышление», — писал В. Перельмутер [15: с. 8], приоткрывая мотивы неприятия творчества Платонова теми, от кого зависела его писательская судьба.

Литература

1. Авдеенко А. Отлучение / А. Авдеенко // Знамя. – 1989. – № 3. – С. 5–73.
2. Андрей Платонов в документах ОГПУ–НКВД–НКГБ 1930–1945. Публикация В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – Вып. 4. – М.: ИМЛИ РАН. Наследие, 2000. – С. 848–884.

3. Бовшек А. Глазами друга: Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского. Указано в ст.: Перельмутер В. «Прозёванный гений» / А. Бовшек // Кржижановский С. Сказки для вундеркиндов. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 3–27.
4. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. – М.: МФД, 1999. – С. 439–444.
5. Галушкин А. Андрей Платонов – И.В. Сталин – «Литературный критик» / А. Галушкин // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – М.: ИМЛИ РАН. Наследие, 2000. – С. 815–826.
6. Горький М. О точке и кочке / М. Горький // Известия, Правда. – 1933. – 10 июля.
7. Дневник А.И. Вьюркова // РГАЛИ. Ф. 2194, оп. 1, ед. хр. 474.
8. Кржижановский С. Чехонте и Чехов (Рождение и смерть юморески) / С. Кржижановский // Кржижановский С. Собр. соч.: в 5-ти тт. – Т. 4. – СПб.: Symposium, 2006. – С. 574–604.
9. Кржижановский С. Собиратель щелей / С. Кржижановский // Кржижановский С. Сказки для вундеркиндов. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 29–282.
10. Кржижановский С.Д. Собр. соч.: в 5-ти тт. / С.Д. Кржижановский. – Т. 1. – СПб.: Symposium, 2001. – С. 463–484.
11. Литературное наследство. – Т. 70. – М.: Наука, 1963. – С. 313–315.
12. Нагибин Ю. Дневник / Ю. Нагибин. – М.: Независимое изд-во ПИК, 1966. – 617 с.
13. О хороших рассказах и редакторской рутине (ред. статья) // Литературный критик. – 1936. – № 8. – С. 108–113.
14. Перельмутер В. После катастрофы / В. Перельмутер // Кржижановский С. Собр. соч.: в 5-ти тт. – Т. 1. – СПб.: Symposium, 2001. – С. 5–70.
15. Перельмутер В. «Прозёванный гений» / В. Перельмутер // Кржижановский С. Сказки для вундеркиндов. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 3–26.
16. Платонов А. «Мне это нужно не для «славы»...» (Письма М. Горькому) / А. Платонов // Вопросы литературы. – 1988. – № 9. – С. 176–180.
17. Архив Вс. Иванова // РГБ. Ф. 673, к. 45, ед. хр. 35.
18. РГАЛИ. Ф. 1452, оп. 1, ед. хр. 47, л. 2.
19. Статья «О первой социалистической трагедии» впервые приведена фрагментарно в статье: Аннинский Л. Откровение и сокровение: Горький и Платонов / Л. Аннинский // Литературное обозрение. – 1989. – № 9. – С. 3–21.
20. Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г. / Публикация Е. Литвин. // Памир. – 1989. – № 6. – С. 98–114.
21. Усиевич Е. Разговор о герое / Е. Усиевич // Литературный критик. – 1937. – № 9–10. – С. 154–188.

Platonov and Krzhizhanovsky
(A Few Words about Platonov's Literary Circle in Moscow)

As it is established in the article, works of A. Platonov have connections with works of S. Krzhizhanovsky. It is detected that Platonov and Krzhizhanovsky worked at the same period for the magazine "Literary critic". It was shown that the conception of discontinuity of visual perception expressed in Krzhizhanovsky's tale "Chinks collector" has influenced the concept of "The Beautiful and Fierce World" by Platonov.

Key words: "deleted" Russian Prose of the 1930s; imaginary light; extinguished sun; Apocalypse.